

УДК 322

ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю. В. Зевако

Саратовский государственный университет
E-mail: milirita@rambler.ru

В данной статье исследуются технологии конструирования политической идентичности в полиэтнической среде Российской империи. Автор приводит классификацию технологий формирования наднациональной идентичности, характеризует политико-административную практику их реализации, проводит ретроспективный анализ условий и проблем формирования единой политической идентичности многонационального населения имперской России.

Ключевые слова: технологии конструирования, политическая идентичность, империя.

Tehnologies of Engineering of the Politucal Identity in the Poly-Ethnic Environment of the Russian Empire

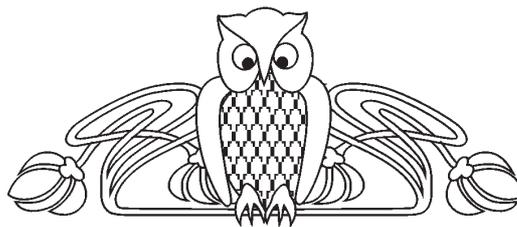
Y. V. Zevako

This article investigates the technologies of engineering of the political identity in the poly-ethnic environment of the Russian Empire. The author gives a classification of a supranational identity formation technology, describes the political and administrative practices for their implementation, conducting a retrospective analysis of conditions and problems of forming a common political identity of the multinational population of the imperial Russia.

Key words: technologies of engineering, political identity, empire.

Одним из ключевых политических процессов конца XVIII – начала XX в. в странах Западной Европы было формирование государств-наций. Во второй половине XIX в. к этому процессу присоединилась и Россия. Однако если западноевропейские государства-нации формировались на основе титульного этноса метрополии в противопоставление народам колоний, то в исключительных условиях особой полиэтничности, поликонфессиональности и территориального размаха Российской империи политический процесс формирования нации-согражданства (политической нации) должен был основываться на выработке единой наднациональной политической идентичности для всех народов российского имперского пространства вне зависимости от принадлежности к историческому центру или периферии.

Формирование политической идентичности в полиэтнической среде в данном контексте рассматривается как процесс политической консолидации и гомогенизации сообщества, превращения

многонациональной империи в национальное государство¹.

В настоящей статье термин «политическая идентичность» используется в узком понимании, как специально создаваемая и/или естественно формирующаяся наднациональная общегосударственная идентичность, интегрирующая в себе множество идентичностей, в том числе этнических, в пределах конкретного политико-территориального пространства².

Новейший большой толковый словарь русского языка дает следующее определение понятию «технология» – это, с одной стороны, «совокупность производственных операций, методов и процессов в определенной отрасли производства, приемов, применяемых в каком-либо деле, мастерстве и т. п.», а с другой – «совокупность знаний о способах обработки материалов, изделий, методов осуществления каких-либо производственных процессов»³.

Конструктивистский подход позволяет интерпретировать формирование политической идентичности с точки зрения инженерии и технологий, полагая под «отраслью производства» – «производство», продуцирование новых идентичностей, в том числе и политической, а также разработку теории и практики подобного продуцирования, то есть совокупность действий, мероприятий и операций, реализуемых властью посредством специальных механизмов и на основе накопленных знаний.

Принимая во внимание традиционное разделение сферы общественной жизни на политическую, экономическую, социальную и духовную, технологии формирования политической идентичности рационально распределить сообразно такому делению.

К политической сфере можно отнести собственно политическую и административную сферы общественных отношений. В административной сфере отечественная политико-правовая практика выработала целый комплекс технологий формирования политической идентичности: изменение сетки административно-территориального деления, контроль миграционных потоков, формирование специализированных органов управления в сфере этнонациональной полити-

ки, а также административное принуждение в отношении отдельных этнических групп либо конкретных их представителей, в том числе с применением легального насилия. В собственно политической сфере к числу самостоятельных технологий можно причислить формирование и развитие концепций национальной политики и конструирование общегосударственной политической идеологии.

В сфере экономики в контексте формирования политической идентичности можно обозначить технологии, связанные с налоговой политикой, экономической миграцией, экономическим районированием, развитием коммуникаций (от железных дорог до Интернета).

В социальной сфере технологии формирования политической идентичности неразрывно связаны с процессом социализации, охватывающим этапы становления личности в системе образования, военной службы, трудовых отношений и повседневными практиками совместной жизни и деятельности различных этносов.

Технологии формирования политической идентичности в духовной сфере включают в себя историко-культурную, языковую, религиозную политику развития общегосударственной мифологии и праздничной культуры.

Рассмотрим подробнее некоторые из элементов обозначенного комплекса разноплановых технологий конструирования политической идентичности, применявшихся в Российской империи в XIX – начале XX в.

Пространственная протяженность, социокультурная неоднородность, разность исторического «стажа» включения в орбиту российского влияния разных территорий требовали от российской администрации как в центре, так и на местах особой гибкости и внимания к подвластным народам. Выбор механизмов формирования интегративной политической идентичности на территории Российской империи, сплочения окраин и народов Европейской и Азиатской России во многом зависел от особенностей геополитического положения конкретного региона, природно-климатических условий, этнического и религиозного факторов, сословного состава населения и др.⁴

Тем не менее российская власть имела всегда довольно двойственное отношение к способу и характеру учета местных социальных и культурных особенностей при формировании колоний: быть господами или обращать должное внимание на каждую историческую особенность. Таким образом, с одной стороны, русские не вмешивались в быт местного населения, понимая, что это опасно с политической точки зрения и бессмысленно с практической, а с другой – видели свою задачу в том, чтобы путем просвещения привести население, например Русского Туркестана, к цивилизованной жизни. Именно в таком споре, и даже конфликте рождался тот политический

и административный опыт, который назывался колониальным управлением⁵.

Основной административной технологией формирования общегосударственной политической идентичности стала реализация в практическом управлении сущности унитарной формы государственного устройства – сетка административно-территориального деления начиная с губернской реформы Петра I формировалась исключительно по территориальным признакам, игнорируя этнические рубежи. Например, в начале XX в. компактный регион расселения татар на Средней Волге был разделен на пять губерний⁶. Большую роль в процессах политической консолидации империи играла технология административной унификации, выражавшаяся в постепенном упразднении особых территорий, например Гетманщины на Украине, которая постепенно стала внутренней областью Российской империи, во многих отношениях даже частью имперского ядра⁷.

Влияние на выработку имперской политической идентичности оказывали и административные технологии рекрутирования политико-административной элиты империи. В частности, выработка новой «русской» идентичности в политическом мышлении бывшей казацкой автономии совпала с борьбой уже не за автономные права Гетманщины, а за признание соотвестствия между украинскими и российскими чинами, а также с попытками бывших казацких старшин влиться в ряды имперского дворянства⁸.

Постоянно расширяющееся пространство Российской империи требовало не только точечных и ситуативных военно-охранительных и административных скреп, но и системного хозяйственно-экономического и социокультурного освоения новых территорий. Технологическим обеспечением физического и воображаемого присвоения и освоения пространств сначала в США и Канаде, а затем и в России стало активное строительство железных дорог.

Поражение Российской империи в Крымской войне 1853–1856 гг. заставило Петербург рассматривать железные дороги уже не как предмет роскоши, но как чрезвычайно необходимый инструмент территориальной интеграции и обороны⁹, которому начали придавать особое значение. Транссибирская магистраль с самого начала проектировалась и воспринималась как средство территориальной консолидации и приведения империи к культурной однородности. Поклонник германской железнодорожной политики М. Н. Катков в 1883 г. в газете «Московские ведомости» определенно заявлял, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение»¹⁰. Русских железнодорожников, посланных на азиатские окраины империи для строительства и обслуживания трансконтинентальных магистралей, воспринимали в Петербурге как агентов / носителей цивилизаторской миссии

на Востоке. В 1890-х гг. и позднее этих посланцев европейской культуры должны были поддержать в их непростой миссии крестьяне-переселенцы, перемещаемые из западных и центральноевропейских губерний империи на земли Сибири и Центральной Азии с целью усилить русский национальный элемент в этих районах. Между 1891 и 1914 гг. Транссибирская магистраль помогла перевезти около 5 млн украинских, белорусских и русских переселенцев на широкие просторы Сибири¹¹.

В Центральной Азии железнодорожное строительство активизировалось в 1880-е гг.: к 1888 г. от Каспийского моря через Бухарский эмират до г. Самарканда протянулась Закаспийская военная железная дорога, через десять лет ее продлили до г. Ташкента (Ферганская область), вследствие чего она была переименована в Среднеазиатскую железную дорогу; к 1906 г. была построена еще одна железнодорожная ветка на ташкентском направлении – Оренбург – Ташкент. Таким образом, к началу Первой мировой войны Туркестанский край имел довольно разветвленную сеть железных дорог, связывавших его не только с центральной Россией, но и с Сибирью (Сибирская железная дорога)¹².

Сцепка огромных российских пространств с помощью железных дорог активизировала экономические механизмы формирования политической идентичности в тех районах, где они уже существовали, и стимулировала их развитие на тех территориях, которые были присоединены недавно.

Так, в Сибири экономические механизмы сплочения и интеграции были изначально базовыми и в исторической перспективе оказались выгодными для обеих сторон. Финансовые соображения предопределили позицию центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли, в разборе поземельных споров отдавать предпочтение туземцам¹³.

Тем не менее поток русских переселенцев в Сибирь постоянно нарастал, результатом чего к началу XIX в. стало преобладание среди местного населения оседлого образа жизни над кочевым, активное развитие хлебопашества и стойлового скотоводства. Переход на сходные с русским крестьянином методы хозяйствования приводил не только к экономической аккультурации туземцев, но и к социокультурной инкорпорации в состав империи, а в конечном итоге к превращению Сибири в Россию, формированию и усвоению общеимперской политической идентичности. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски, обеспечивая стабильность

империи на перспективу¹⁴. Ставка на «народную дипломатию» в сфере межнациональных отношений в Сибири давала свои плоды: как отмечают исследователи, наибольших успехов в земледелии добивались «инородцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями русских крестьян; под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды; к концу XIX в. появились стационарные деревянные юрты, а зажиточные «инородцы» стали обзаводиться просторными деревянными домами с глинобитными русскими печами, умывальниками, надворными постройками и банями¹⁵. Постепенно русская культура проникала во все сферы жизни аборигенов¹⁶. Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской Россией и Сибирью, стихийному обрусению «инородцев»¹⁷.

Кроме того, важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов Сибири к общеимперской системе также были методы материального и морального поощрения со стороны государства: систематическая раздача «инородцам» ссуд деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных налоговых льгот, всевозможных поощрений для родоначальников за успехи в земледелии. Вместе с тем «приучение» «инородцев» к земледелию и оседлости происходило с помощью жесткого администрирования: например, иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин издал «Положения о развитии хлебопашества», где строго определялись размеры «инородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания ослушников. Стимулирование кочевых народов Сибири к оседлому образу жизни и унификации хозяйственной деятельности аборигенов и русских крестьян-переселенцев приводило к их социальной интеграции: в соответствии с «Уставом об управлении инородцами» М. М. Сперанского, введенным в 1822 г., оседлые аборигены приравнивались к категории государственных крестьян со всеми их податями и повинностями, кроме рекрутской¹⁸.

Довольно высокую эффективность в формировании общеимперской политической идентичности показали экономические механизмы интеграции в Русском Туркестане. Российское влияние на повседневную жизнь оседлого населения Центральной Азии принимало самые разнообразные формы, чаще всего было спонтанным и обуславливалось расширением экономических и культурных связей региона с Россией и Западом. В жизнь людей проникали фабричные товары, появлялась новая одежда, менялась мода, распространялись предметы обихода, характерные для русских; некоторые состоятельные горожане стали строить дома и обустраивать их на русский (европейский) манер; с появлением железных

дорог, телеграфа, почты увеличилась мобильность населения, возросло число людей, знавших русский язык, и т. д.¹⁹ Как и в Сибири, только с приходом русских переселенцев на азиатские окраины Российской империи там появились усовершенствованные способы обработки земли, повысившие урожайность и облегчившие тяжелую борьбу с сорной травой²⁰.

Постепенное приближение социально-экономического уровня и социокультурного пространства периферии к общероссийским реалиям требовало использования новых технологий интеграции «инородцев», направленных не на «переделывание», а на воспитание изначально лояльных империи граждан, то есть технологий русифицированной социализации «инородцев».

Со второй половины XIX в. Российская империя берет курс на русификацию – ограничение культурной самобытности на какой-либо территории империи и активное распространение там русского языка и литературы, замену местных органов власти и управления общеимперскими структурами, интенсивное распространение православия и русской культуры. В другом, более мягком варианте внутреннюю политику царской России на окраинах именовали «обрусением» – ненасильственным, естественным сближением с русским народом, превращением в русского по языку и традициям²¹.

Русификация включала в себя политическую, экономическую, кадровую, правовую, культурную, бытовую составляющие, но главная роль по праву принадлежала образованию. Для имперских властей второй половины XIX в. было очевидным, что существование единого и стабильного многонационального государства невозможно без создания прочной идеологической базы, и стержнем его должна была стать русифицированная система народного образования. В 1869–1870 гг. в недрах Министерства народного просвещения была разработана программа развития школьного дела в среде нерусских народов («Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев») и сформулирована ее основная идея: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом»²².

Осознание властями важности социокультурных технологий в формировании общеимперской политической идентичности подчеркивается многими исследователями: «Вопрос о культурном освоении Туркестана всегда рассматривался российскими властями как один из важнейших в деле вовлечения центральноазиатской окраины во внутреннюю жизнь империи»²³. «Важным средством формирования пророссийски настроенного слоя общественной и культурной элиты на Северном Кавказе служила школьная политика Российской империи»²⁴. Следует отметить, что при общем тренде на русификацию образования

среди «инородцев» чиновники на местах очень дифференцированно подходили к реализации данной задачи, исходя из культурно-исторических, экономических и прочих особенностей своего края.

В частности, школьная политика на Северном Кавказе отличалась стремлением российской администрации привязать к себе горцев как путем их приглашения на учебу в столичные российские учебные заведения (университеты, горный, технологический, лесной институты), так и путем формирования на российские казенные деньги системы начального, высшего и среднего образования при одновременном ограничении мусульманского образования. Первой практической реализацией этих стремлений стала организация светских русских школ еще в конце XVIII в. В 1840-е гг. появились первые северокавказские пансионы для горских детей, открылись Ставропольская и Екатеринодарская гимназии, довольно скоро ставшие самыми популярными и престижными местными учебными заведениями; в 1850 г. была открыта Нальчикская школа военных воспитанников для детей кабардинских князей; в 1860-е гг. первые русские школы появились в Дагестане и Ингушетии²⁵. Активизация школьной политики на Северном Кавказе пришлось на последнюю треть XIX в. и стала результатом принятия соответствующих документов в Министерстве образования и учреждения в 1868 г. Кавказского учебного округа. К концу 1890-х гг. на всем Северном Кавказе были организованы аульные начальные школы и средние учебные заведения²⁶.

В Центральной Азии имперская школьная политика проводилась в соответствии с «Планом устройства учебной части и образования в Туркестанском крае», разработанным особой комиссией в г. Ташкенте в 1870–1873 гг. и принятым в виде официального документа в 1875 г.²⁷ В соответствии с ним недавно созданные русские учебные заведения в Самарканде, Ташкенте и Чимкенте были преобразованы в двухклассные городские училища с русским языком обучения. С середины 1880-х гг. начали открываться русско-туземные школы и училища (в Сырдарьинской области, Хиве и Бухаре), число которых к 1911 г. достигло 89. При некоторых из них действовали интернаты, чтобы дети больше времени проводили в русскоязычной среде. Особенностью школьной политики в Туркестанском крае была ее своеобразная деликатность по отношению к местному населению: в отличие от обычных русских школ, в которых открывались классы для местного населения, русско-туземные школы открывались исключительно для коренных жителей края и включали учебную программу мусульманских мектебов. Кроме того, согласно утвержденной в 1887 г. инструкции, учебный день в русско-туземных школах делился на две части: первые два часа изучались чтение, письмо и арифметика на русском языке, а вторые два часа туземный учитель занимался

мусульманским вероучением²⁸. Однако, как отмечают исследователи, «крайняя ограниченность русской составляющей и неудовлетворительно поставленный учебный процесс таких школ не способствовал цивилизаторской миссии империи и превращал в фикцию “прочное и окончательно слияние” народов Центральной Азии с остальными жителями империи»²⁹.

Образовательные технологии в формировании общеимперской политической идентичности могли иметь успех только там и только тогда, когда делали знание русского языка предметом первой необходимости в повседневной жизни каждого человека, то есть когда шли рука об руку с экономическими технологиями вовлечения туземцев и «инородцев» в общеимперский товарный рынок, когда создавали условия для социального лифта (выходцам из Центральной Азии был открыт доступ в высшие учебные заведения России)³⁰, когда приносили ощутимую пользу и выгоду новым носителям государственного языка империи.

В целом технологии конструирования политической идентичности в Российской империи были разноплановыми, но не системными, лишь условно образуя политико-административный технологический комплекс. При этом они были достаточно лояльными по отношению к нерусскому населению периферии империи, что никак не позволяет назвать Российскую империю «тюрьмой народов»³¹. Экономические технологии не успевали за административными и социокультурными, а применение политических технологий осложнялось размытостью самого концепта единой русской нации, которая представлялась как ядро политической интеграции народов империи³².

Политическое развитие России в начале XX в., революции 1905 и 1917 гг. показали неэффективность созданного конструкта политической идентичности, но при этом технологии его формирования позволили создать потенциал социокультурного единства народов на большей части территории Российской империи, который впоследствии использовали в государственной этнонациональной политике и конструировании наднациональной политической идентичности как Советская власть, так и руководители современной России.

Примечания

¹ См.: *Лукина А. В.* Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2004. С. 15.

- ² См.: *Зевако Ю. В.* Политическая и этическая идентичности : понятие, сущность, структура // Политические проблемы современного общества. Саратов, 2011. Вып. 15. С. 24–33.
- ³ Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М., 1998. С. 1323.
- ⁴ См.: *Сибирь в составе Российской империи.* М., 2007. С. 208.
- ⁵ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* М., 2008. С. 208.
- ⁶ См.: *Бусыгина И. М.* Политическая география. Формирование политической карты мира : учебник. М., 2010. С. 209–210.
- ⁷ См.: *Западные окраины Российской империи.* М., 2007. С. 57–59.
- ⁸ См.: *Империя и нация в зеркале исторической памяти* : сб. ст. М., 2011. С. 292.
- ⁹ См.: *Imperium inter pares* : Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 364.
- ¹⁰ Там же. С. 367.
- ¹¹ Там же. С. 368.
- ¹² См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 210–215.
- ¹³ См.: *Сибирь в составе Российской империи.* С. 208.
- ¹⁴ Там же. С. 209–210.
- ¹⁵ Там же. С. 212.
- ¹⁶ Там же. С. 214.
- ¹⁷ Там же. С. 215.
- ¹⁸ Там же. С. 212.
- ¹⁹ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 208–209.
- ²⁰ См.: *Изобретение империи : языки и практики.* М., 2011. С. 163.
- ²¹ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 171.
- ²² Там же. С. 172.
- ²³ Там же. С. 163.
- ²⁴ *Северный Кавказ в составе Российской империи.* С. 270.
- ²⁵ Там же. С. 270–271.
- ²⁶ Там же. С. 272.
- ²⁷ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 163–164.
- ²⁸ Там же. С. 165.
- ²⁹ Там же. С. 173.
- ³⁰ Там же. С. 161.
- ³¹ См.: *Мединский В. Р.* О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М., 2010. С. 187–210.
- ³² См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 68–70.